

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. А. НЕКРАСОВЕ

<...> Вступив на литературное поприще случайно, без всякой подготовки (22-х лет от роду, в бытность военным писарем), полемическою статьею, напечатанною (в 486 строк) в прибавлении к "Русскому инвалиду" 10 января 1862 года, против рассуждений фельетониста "С. -Петербургских ведомостей"¹, я увлекся успехом и однажды, в воскресенье утром, с рекомендательною запискою историка Н. И. Костомарова и с толстою рукописью, явился в своей форме к Н. Г. Чернышевскому (он очень обласкал меня), в кабинет которого вскоре же после меня вошел высокий, с вида пожилой брюнет, с добрым, но утомленным лицом, и, когда заговорил с Чернышевским, - я услышал сиплый его голос. Чернышевский показал ему записку Костомарова и представил меня.

- Пиши, пиши, братец, хорошенько, - заговорил он, потрепав меня по плечу. - Ты из народа, говори нам правду, о его радостях и печалях, а мы тебя, будь уверен, поддержим.

На вопрос Чернышевского, читал ли я стихотворения Некрасова, я ответил, что в "Современнике" некоторые читал.

- Если ты читал только некоторые, - продолжал Николай Алексеевич, - а купить тебе, конечно, не на что: ты ведь получаешь три денежки в день, - так дайте ему, Николай Гаврилович, все, а я вам взамен другие пришлю книги. Прочитай, братец, внимательно и потом расскажи нам, может ли народ понимать их.

Узнав, что предо мною сам поэт, стихотворениями которого зачитывались и восторгались все мои тогдашние начальники-чиновники, я замер от охватившего меня волнения. Затем, оправившись, я получил переплетенные книги, поблагодарил поэта за подарок, услышал от него еще несколько одобрительных доброжелательств, удостоился его рукопожатия и ушел, очарованный обхождением со мною обоих. С тех пор я почувствовал к Николаю Алексеевичу такую горячую привязанность, что, как только вычитывал, бывало, из газет о предстоявшем литературном вечере (они зимою часто устраивались) и об участии в нем Николая Алексеевича, я обязательно шел, чтобы хоть издали увидеть его и услышать его голос (подходить к нему я не осмеливался), и, когда это мне удавалось, считал для себя истинным удовольствием.

Так текли года, а слава Николая Алексеевича все росла, портреты его висели в квартирах всех образованных либеральных людей столицы; на литературных вечерах огромные залы битком наполнялись публикою; его выход, чтение и уход сопровождались безграничными овациями. И вот, после прекращения в апреле 1866 года "Современника", Н. А. Некрасов объявлением предложил подписчикам, внесшим деньги вперед за весь год,-- получить их обратно по расчету за 7--8 книг, но сочувствие к постигшей его беде было столь сильно, что в одной, например, канцелярии было счетом сорок подписчиков², а деньги пожелал получить только один, да и на него так напали сослуживцы за его желание, - что и он отказался.

Двухгодичное вынужденное безмолвие Николая Алексеевича нисколько, однако, не ослабило почтения к нему, потому что, приступив с 1868 года к изданию "Отечественных записок", подписчики вернулись и обаяние его поэзии восстановилось, а организованный им персонал сотрудников привлек всеобщее внимание к журналу.

В свою очередь, и я, пробираясь, понемножку, в литературу - прошел сотрудничество в "С. -Петербургских ведомостях" В. Ф. Корша, в "Судебном вестнике" профессоров А. П. Чебышева-Дмитриева и А. В. Лохвицкого и в некоторых недельных изданиях, - рискнул послать Н. А. Некрасову рукописный рассказ, а увидав его вскоре же напечатанным в "Отечественных записках"³, решился явиться лично к Николаю Алексеевичу. Хотя в течение протекших восьми лет я достаточно перевидал редакторов и пообтерся по редакциям, но все-таки вошел смущенный в переднюю, оправился там, прочел на стене в раме печатный патент на имя Н. А. Некрасова на звание почетного члена общества охоты, за подписью покойного великого князя

Николая Николаевича, а из нее вступил в большую комнату, в которой разглядел бильярд, в одном из простенков - трюмо, в другом - чучело огромного медведя, с оскаленными зубами, полукруглый диван, стулья, а перед одним окном - письменный стол. Из смежной комнаты ко мне вышел сам Николай Алексеевич. Я робко представился ему.

- Так это вы автор рассказа, - протяжно спросил он, подав мне руку. - Здравствуйте, здравствуйте. Садитесь, познакомимся.

Подтвердив ему, что я автор, я сел, а он против меня.

- Ах, хорош, хорош ваш рассказец, потому скоро и помещен, а не залежался. Описываемый вами мир мрачен, очень мрачен, потому освещать его полезно. А где-то я ведь вас, кажется, видывал?

Я напомнил ему о нашем свидании у Чернышевского.

- Да, да, припоминаю, припоминаю, - продолжал он, оживляясь. - Так вы, значит, тот самый молоденький писарек? Кто же, однако, вы теперь и давно ли стали пописывать?

Я вкратце рассказал ему, как выбрался из военной в гражданскую службу, в которой получил уже два чина, штатную должность, сотрудничал в разных изданиях и посвящал досуги филантропической деятельности.

- Молодец, молодец! - произнес он, внимательно выслушав меня. - Я рад, очень рад, что вы сумели проторить себе дорожку и сделаться полезным деятелем. Народ помаленьку выдвигает своих представителей, а в числе их вот и вы, ну и стойте за его процветание. А рукопись, которую вы тогда принесли, помню, Чернышевскому, погибла ведь!

Я разъяснил ему, что мне ее возвратили и она у меня цела⁴.

- В таком случае принесите ее: она, припоминаю со слов Чернышевского, очень интересна, и мы ее поместим, да, батенька, поместим и ваш труд вознаградим.

Я поблагодарил его за лестное ко мне внимание.

- Соловья, впрочем, баснями не кормят, а вам, маленькому чиновнику, деньжонки, понятно, нужны. Посидите минутку.

Он вышел во внутренние комнаты, вскоре же вернулся и подал мне пакетик.

- Вот вам, батенька, за рассказ. По понедельникам от часа дня сюда приходят наши близкие сотрудники потолковать между собою. Вы мне нравятся тем, что упорным трудом проложили себе дорогу, потому приходите запросто и вы: познакомьтесь с ними, они с вами, услышите их суждения, узнаете взгляды на разные предметы, словом, многое такое, что вам неизвестно, приобретете больше знаний, а они вам пригодятся, очень пригодятся, при писательских занятиях. Так, до свидания.

Я вышел на улицу, восхищенный памятью, обходительностью, внимательностью, благожелательностью и щедростью Николая Алексеевича. Затем приглашением его я с прежнею же робостью поспешил воспользоваться в первый же последующий понедельник, а тогда сразу узнал лично покойных А. Н. Плещеева (считался секретарем редакции, потому оказался там раньше всех), Г. З. Елисеева, Н. А. Демерта, М. Е. Салтыкова, Г. И. Успенского и ныне здравствующих: А. М. Скабичевского и Н. К. Михайловского. Все входили, усаживались и тихо разговаривали между собою, один лишь Салтыков, явившись последним, - еще из передней шумливо о чем-то толковал. По возрасту выглядели: самым старшим - Елисеев, с седыми бородою и длинными волосами на голове, а младшими - Успенский, Н. К. Михайловский и А. М. Скабичевский. Некрасов сперва беседовал врознь, в своем кабинете, с каждым из пришедших, о том, что их лично касалось, а потом со всеми вместе добродушно, просто, как с

равными; к нему же относились почтительно все, за исключением того же Салтыкова, который говорил громко, резко, даже употреблял неудобные выражения... Беседа велась на различные темы, касавшиеся преимущественно литературы, то есть - о прочитанных журналах, книгах, статьях, о том, кто что тогда писал, при этом спрашивавшие мнения Николая Алексеевича получали от него ответы в деликатной, но наставнической форме. Кроме того, он и сам давал словесные программы, входил в суть вопросов и, по сомнительным - указывал способы, как изложить предмет сообразно с цензурными условиями, которые превосходно знал. Салтыков, случалось, прерывал его речь сильными замечаниями, и на одно из них Николай Алексеевич своим протяжным, шутливым тоном ответил ему:

- Ну, вы ведь неисправимы: судите и рядите обо всем по прежней начальнической {Он служил раньше вице-губернатором и управляющим казенною палатой. (Прим. В. Н. Никитина.)} привычке: приказал и баста, а нам приходится держаться пословицы: "Тише едешь, дальше будешь".

Снабженные кто - книгами, кто - деньгами, кто-- наставлениями, либо - и внушениями, в четвертом часу все разошлись. Беседа мне очень понравилась: я наслушался много для меня интересного, а сам, чтобы не сконфузиться, - предпочел только кратко отвечать на предлагавшиеся мне вопросы.

Побывав раз в редакционном собрании, меня так и тянуло по понедельникам на беседы, на которые я считал приятным являться, внимательно слушал их, перезнакомился и со многими другими сотрудниками и пользовался неизменным ласковым вниманием Николая Алексеевича. Некоторое время спустя я получил повестку в присяжные заседатели на месячную сессию и, кстати, заявил Николаю Алексеевичу об этом.

- Как и что в течение протекших четырех-пяти лет творили в суде заседатели до сих пор, ведь ровно ничего неизвестно, - произнес он, - а между тем чрезвычайно интересно знать: как ко всему относится эта общественная совесть. Вы и вникните хорошенько во все, наделайте на память отметки, благо умеете вкратце записывать даже целые речи, а потом и опишите действия следователей, прокуроров, адвокатов, обвиняемых и самих заседателей, а беспристрастная обо всем статья произведет, я уверен, полезное впечатление. Изложите только все по порядку, без всяких темных юридических мудрствований.

Отбив заседательство, я исполнил заказ в точности, и статья появилась в "Отечественных записках"⁵.

- Спасибо вам за статью, спасибо, - сказал мне Николай Алексеевич при свидании, - вы вполне оправдали мои ожидания. Однако розы не бывают без шипов, и я уже слышал от читателей - похвалу статье, а от судейских - порицание за то, что мы напечатали ее, так как заседательские деяния подлежат, дескать, тайне, а вы ее раскрыли и за это нас с вами под суд угрожают отдать, да, под суд!.. Впрочем, бог милостив: я поговорил кое с кем из сенаторов, и они обещали поддержать нас, ну и не унывайте, авось уцелеем.

И действительно, через две недели Николай Алексеевич успокоил меня, рассказав, что о статье хотя и происходили длинные рассуждения в распорядительном заседании Сената, но подали голоса о нарушении статей закона - 12, а о полезности даже для самих сенаторов знать взгляды заседателей из подобных вашей статей 22 сенатора, о чем прямо из заседания приезжали к нему сообщить сенаторы В. А. Арцимович и А. А. Буцковский, приверженцы гласного суда.

Журнал издавался без предварительной цензуры с подписью "А. Краевский", участие которого этим и ограничивалось, а готовую, сброшюрованную книгу представляли в цензуру, где ее читали, предлагали, случалось, и вырезать целые статьи и перепечатывать части их, если усматривали несоответственные правилам, буде же ничего не находили, то по миновении трех суток дозволялось выпускать книгу. В качестве "практического человека", опытного редактора и поэта, пользовавшегося особенным уважением и в цензуре, Николаю Алексеевичу удавалось охранять журнал большей частью неприкосновенным. Тем не менее ежемесячный выпуск книг составлял своего рода праздник для непосредственно заинтересованных в этом

редактора и сотрудников. И вот, чтобы подобающим образом проходили эти праздники и удобнее сблизить сотрудников, по предложению Николая Алексеевича после выхода книг журнала все сходились вместе обедать в русский ресторан "Малоярославец". С сотрудников взималось лишь по три рубля, а по сколько затрачивал сам Николай Алексеевич - это знал достоверно только он; по предположению же сотрудников, каждый весьма роскошный обед обходился ему в сотни рублей. На обедах постоянно участвовали человек 20--30, и, кроме вышепоименованных, припоминаю: П. И. Вейнберг, В. И. Водовозов, А. А. Головачев, И. Ф. Горбунов, Д. К. Гире, В. В. Лесевич, Е. П. Карнович, Н. С. Курочкин, Д. Л. Михаловский, А. Н. Островский, А. А. Потехин, А. М. Унковский и проч. За обедом и, в особенности, после него велись оживленные беседы, декламировались стихи, разбирались вопросы из злобы дня и т. п. Первенствовали, разумеется, также старшие, а младшие прислушивались и набирались житейской мудрости. Когда всем становилось весело - являлась полная откровенность, и каждый раз приходилось, в разных группах, слышать признательность Николаю Алексеевичу за его бескорыстное, отличительное умение прозреть и поддержать таланты, за доброту и щедрость. Например, с умилением рассказывали, как он самолично отыскивал в трущобах покойных Н. Успенского, Н. Г. Помяловского, Ф. М. Решетникова, урезонивал, снабжал деньгами без счета, давал пенсию семейству, отправлял, за свой счет, за границу и содержал там годами для освежения таланта N, предложив ему ехать и вызвавшись обеспечить его, а когда тот отозвался незнанием иностранных языков, уверил его, что ему, по прибытии в Берлин, стоит только, глядя, где колокольня православной церкви, - добраться до нее и спросить дьячка, и тот все ему покажет, расскажет и отправит его дальше, так что в Вене, Париже, Риме и прочих больших европейских городах русский дьячок наилучший проводник и знаток всего местного, добавив, в подкрепление своих слов, что, ездивши первый раз за границу, сам пользовался драгоценными для туристов услугами дьячков. И последовавший предложению Николая Алексеевича писатель впоследствии, по возвращении в Россию, приобрел, восполненными знаниями, громадную популярность⁶. Николай Алексеевич устроил также на службу в Петербурге с значительным жалованьем другого писателя, который долгое время имел это обеспечение к недостаточным литературным заработкам, для содержания семейства⁷. По дошедшему до Николая Алексеевича слуху о неудовольствии некоторых сотрудников на то, что он не приглашал их к себе на вечера, он откровенно и справедливо разъяснил, что у него бывали люди хотя непричастные к журналу, но полезные ему, а сводить их с сотрудниками представлялось неуместным, ибо обе категории будут лишь стеснять друг друга, а из этого получится лишь вред журналу, тогда как при заведенном порядке выходила польза, отражавшаяся на благополучии сотрудников,

Мне предложили совершить поездку для изучения одного предмета с выгодными обещаниями, в числе которых было предоставление мне права напечатать результаты. Я согласился и спросил Николая Алексеевича: возьмет ли он мой труд для "Отечественных записок"?

- Охотно, предмет интересный, - отозвался он, - но позволят ли нам цензурные условия, - вот вопрос?

Я сообщил, что мне обещали по возвращении моем из поездки дать бумагу на беспрепятственное печатание.

- Попросите-ка эту бумагу вперед, а то потом, если не угодите, раздумают.

Последствия показали, что он был как бы пророком: никакой бумаги мне действительно не дали, а без нее он не мог печатать моего труда.

- Говорил я вам, батенька, попросить записочку, но вы поцеремонились, по неопытности, ну и потрудились напрасно. Жаль, очень жаль, что вы своевременно прозевали, а теперь уже поздно. В деловых случаях необходимы большая осторожность и, главное, расписочка, а вы без нее - пеняйте на себя⁸.

Между тем сам он многократно выдавал мне в конвертиках гонорар, случалось и значительный, без всяких расписок, о которых и не заикался никогда. Платил он вообще щедро, причем не только строчек, но и целых страниц до четверти листа не вычитал. Это я помню по

себе и слышал от многих, утверждавших, кроме того, что никто из нуждавшихся никогда не уходил от него неудовлетворенным, даже сверх желаний, как свидетельствует близко знавший его В. А. Панаев в своих печатных воспоминаниях⁹, и то же самое подтвердил недавно печатно же бывший сотрудник "Отечественных записок" Д. Л. Мордовцев¹⁰. Зато он и пользовался всеобщим расположением, а как поэт и редактор - со всех сторон уважением. Например, когда он катался в санях по Невскому, в модной в 1870-х годах боярской шапке, то едва успевал отвечать на поклоны прохожих и проезжих, а как велик был его авторитет даже в самых высших сферах, наглядно характеризуется вот, например, каким фактом. Однажды при мне подъехал он к дому министра внутренних дел, генерал-адъютанта А. Е. Тимашева, и спросил стоявшего в дверях швейцара: можно ли видеть министра? Швейцар ответил, что министр никого в тот день не принимал, но полюбопытствовал, кто он, и, услышав фамилию - твердо произнес:

- Вас-то, полагаю, примет. Позвольте-ка вашу карточку, и я сию минуту доложу об вас, а вы благоволите подождать.

Николай Алексеевич дал швейцару карточку и продолжал сидеть в экипаже, а вернувшийся, минут через пять, швейцар с торжеством сказал ему: "Пожалуйста: его высокопревосходительство вас просит".

И Николай Алексеевич провел у покойного Тимашева с час...¹¹

Примечания

Виктор Никитич Никитин (1839--1908) - чиновник министерства государственных имуществ, один из директоров петербургского тюремного комитета. Его сотрудничество в "Отечественных записках" - яркий пример того, как Некрасов использовал любую возможность для получения материала, обличающего правительственные учреждения. В 1871 году он поместил в "Отечественных записках" ряд очерков Никитина о современном судопроизводстве, о жизни арестантов, кантонистов.

"Отечественные записки" сделали имя Никитина известным в русской журналистике 70-х годов. Журнал положительно отозвался на книги Никитина "Жизнь заключенных. Обзор петербургских тюрем" (ОЗ, 1871, No 6), "Общественные и законодательные погрешности" (ОЗ, 1871, No 12).

Воспоминания Никитина о Некрасове появились к 25-летней годовщине со дня смерти поэта. Его мемуарный очерк содержит новые факты о журналистской деятельности поэта, но фальшивую ноту в его рассказ вносит чиновничье-подобострастная манера изложения.

Печатается с сокращениями по журналу "Всемирный вестник", 1903, No 1, стр. 128--136. Подпись: Бывш<ий> сотрудн<ик> "Отечеств<енных> записок". Авторство В. Н. Никитина установлено А. М. Гаркави в его кн. "Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой", Калининград, 1966, стр. 241.

¹ Стр. 289. Автор обзора "Московская летопись" (СПб. вед., 1861, No 266) писал о грубости, дерзости лакеев, писарей, извозчиков и утверждал, что особенности их поведения есть проявление "русской природы". В. Н. Никитин выступил в защиту "несправедливо униженных писарей,, произведенных из них чиновников и представителей других сословий, опозоренных московским летописцем" ("Прибавление к "Русскому инвалиду", 1862, No 6).

² Стр. 290. Вероятно, В. Н. Никитин имеет в виду канцелярию министерства государственных имуществ, в которой он служил в 1866 г.

³ Стр. 290. Речь идет о рассказе "С одного вола семь шкур" (ОЗ, 1871, No 3).

⁴ Стр. 291. Никитин вспоминал, как однажды во время его дежурства в канцелярии оберполицмейстера прислали из III Отделения оставшийся после суда над Чернышевским тук книг и бумаг. "Составляя книгам и бумагам опись, я в числе рукописей нашел свою и спрятал

ее в стол..." ("Воспоминания В. Н. Никитина", *РС*, 1906, No 10, стр. 89). В этих же мемуарах Никитин называл свое произведение "рукописью о кантонистах" (там же, стр. 153).

⁵ Стр. 293. Речь идет о статье "Петербургский суд присяжных" (*ОЗ*, 1871, NoNo 5 и 6).

⁶ Стр. 295. Вероятно, речь идет о Г. И. Успенском, выезжавшем за границу при поддержке Некрасова в 1871 г.

⁷ Стр. 295. Возможно, что имеется в виду Г. Н. Потанин.

⁸ Стр. 295. Речь идет о неудачной попытке опубликовать в "Отечественных записках" результаты осмотра "исправительных рот". В более поздних мемуарах В. Н. Никитин подробно описал, как военное ведомство (министр Д. А. Милютин, управляющий делами главного военно-тюремного комитета М. Н. Анненков и др.) воспрепятствовало публикации подготовленной им статьи ("Воспоминания В. Н. Никитина", *РС*, 1906, No 11, стр. 384--396). В жалобе Д. А. Милютину, датированной 12 марта 1872 г., В. Н. Никитин сообщал, что он "договорился с редактором "Отечественных записок", где постоянно сотрудничал", печатать свой труд с января 1872 г. (*ГБЛ*, ф. 169, 71/35). После изрядных сокращений, изменений он был частично опубликован в 1872 г. в журнале "Гражданин" и выпущен отдельной книгой: "Быт военных арестантов в крепостях" (СПб. 1873).

⁹ Стр. 296. В. А. Панаев писал, что Некрасов "часто выдавал сотрудникам деньги без счета, которые и не попадали в кассовую книгу. Множество раз я был тому свидетелем" (В. А. Панаев, Воспоминания. - *РС*, 1901, No 9, стр. 499).

¹⁰ Стр. 296. Д. Л. Мордовцев, сотрудничавший в "Отечественных записках" в 1868--1875 гг., вспоминал: "... Я знаю, что Некрасов без всякого замедления или неохоты выдавал своим сотрудникам иногда солидные авансы. Так, в декабре 1875 или в январе 1876 г. мне необходимо было экстренно перевезти из Саратова в Петербург мою больную жену с дочерью и внучкой для лечения и мне понадобилась для этого порядочная сумма. Когда я сказал об этом Некрасову, он тотчас же открыл свой письменный стол, со словами: "Сейчас, отец" ("отец" - это слово он часто употреблял в разговоре), и подал мне пачку кредитных билетов, конечно, пересчитав, и прибавил: "Ах, отец родной, как бы мне хотелось поохотиться в ваших саратовских палестинах, да все не соберусь, да и спина болит" (Д. Мордовцев, О Н. А. Некрасове. - "Новости и биржевая газета", 1901, No 242).

¹¹ Стр. 296. Визит Некрасова к А. Е. Тимашеву был, возможно, связан с делами журнала "Отечественные записки". В то время, к которому относится описанный мемуаристом эпизод (вероятно, 1871 г.), Главное управление по делам печати решило объявить "Отечественным запискам" предостережение. А. Е. Тимашев, несмотря на враждебное отношение к журналу, не утвердил это решение (см. *ЛН*, т. 49--50, стр. 471).